

16. Флорида Р. Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства/ Пер. с англ. — М.: Strelka Press, 2014. - 368с.

17. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004. — 588с.

18. Habermas J. Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society / Tr. T.Burger, F.Lawrence. Cambridge (Mass.), 1989 [1962].

Некрасов С.Н.

*Екатеринбург, Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина*

РОССИИ НУЖНЫ НОВЫЕ ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ КАК КОНКУРЕНТНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ

Научная культура и создание новой картины мира будет главным условием для победы в боях цивилизаций XXI века за будущее. Сегодня заканчивается не только эпоха Просвещения, с ее универсальными гуманистическими ценностями и западными гуманитарными технологиями, которые породили проект архаичного фашизма. Западная наука об обществе отражает такой тип общества, в котором четко обособлены экономическая, социальная и политическая сферы. Возникает вопрос: как можно с помощью такой науки изучать докапиталистические, антикапиталистические, социалистические социумы? В таких обществах в XX в. развивались собственные науки, которые довольно успешно обеспечивали их динамику и конкурентоспособность. Поскольку великие державы и великие глобальные социумы строились на великих идеях, то

Возникает вопрос — какова может быть великая идея России в условиях действующего конституционного запрета на единую государственную идеологию?

Ключевые слова: евразийский социум; интеграционная научная модель; неоиндустриальная модернизация; новая гуманитарная наука.

Scientific culture and the creation of a new picture of the world will be the main condition for victory in the battles of the civilizations of the XXI century for the future. Today marks the end of not only the Enlightenment, with its universal humanistic values and Western humanitarian technologies that gave rise to the project of archaic fascism. Western science about society reflects this type of society, which clearly distinct economic, social and political spheres. The question arises: how could you use this science to study pre-capitalist, anti-capitalist, socialist societies? In such societies in the twentieth century developed its own science, which quite successfully provided their dynamics and competitiveness.

Because the great powers and great global societies were built on great ideas, the question arises — what could be a great idea in Russia in the context of the current constitutional ban on uniform state ideology?

Keywords: Eurasian society; integration of scientific model; neo-industrial modernization; new Humanities.

Если мы хотим понять свой социум, его место в мире, то нам нужна наука и научная культура, методологически и понятийно адекватная нашему социуму, а не вталкивающая его в прокрустово ложе западных модернизационных или восточных традиционалистских схем. Также нужно свое обществоведение, а точнее — нужны социальные системологии повседневности для каждой крупной исторической системы. В перспективе для каждой системы должны быть созданы свой понятийный аппарат, особый набор дисциплин, свой язык. Как показывал А.А. Зиновьев, социология

Некрасов С.Н. России нужны новые гуманитарные науки как конкурентное...

и политическая наука могут быть лишь элементами науки о буржуазном обществе (буржуазоведение, буржуалогия, капиталоведение), которая, в свою очередь, не может быть ничем иным, как элементом оксидентализма — науки о Западе. Именно поэтому его книги о Западе как неангажированный взгляд на западную повседневность изнутри как на «западнизм» оказались востребованы на Западе, несмотря на их шокирующие названия и неологизмы: «глобальное (западнистское) сверхобщество», «глобальный человек», «западнизм», «западоиды», «западнистские клеточки», «идеосфера западнизма», «денежный тоталитаризм» [1]. Известно, что Запад не удовлетворился образом «азиатский способ производства» и создал ориентализм — науку как форму власти-знания о Востоке, но не создал таковой науки о самом себе. И сегодня перед нами в России возникла необходимость создать реальную социальную науку, как это делал Запад в эпоху становления модерна и как это осуществил К. Маркс в «Капитале», а позднее В.И. Ленин в царской России.

М.Б. Пиотровский в своем выступлении на заседании президентского совета по науке и образованию 21 января 2016 г. заявил: «у нас есть наука, научная дисциплина, которая называется востоковедение и которая соответствует тому XXI веку и той конвергенции наук, о которой нам часто говорит Михаил Валентинович Ковальчук на наших встречах. И такая синтетическая наука очень важна сегодня — в век конфликтов и конфронтации. Она может и ложилась всегда в основу компромиссов и дискуссий между культурами и основу для принятия правильных экспертных мнений и решений на протяжении веков: от генерал-майора Пржевальского — до академика Примакова.

Я позволю себе вспомнить 1970-е годы, одну статью в «Нью-Йорк Таймс». Большая статья. Она была историческая — о том, что Соединенные Штаты не имеют востоковедов, о том, что все советские послы в арабском мире говорят по арабски, а у американских посольств даже не хватает переводчиков. Мне было приятно видеть и читать похожую статью совсем недавно в связи с Ираком, что опять нет людей, нет переводчиков, приходится нанимать иракцев, чтобы переводить (а это невозможно), а у русских — есть.

Да, у нас есть и сейчас еще громадный запас этих сил в востоковедении именно фундаментальной основы, на которой решаются практические задачи. Надо сказать, что мы совсем недавно немножко в другой сфере утвердили программу обучения основам истории и культуры ислама, которая приемлема для светских вузов и для религиозных. Мы почти решили эту проблему. То есть у нас есть этот большой задел, но есть две вещи, которые нивелируют и мешают науке и многим другим нашим наукам, особенно гуманитарным, быть штучным товаром.

Первое. Я просто прошу Совет по науке помочь сохранить востоковедение как самостоятельную отрасль науки в научной номенклатуре, в научно-образовательной номенклатуре.

Второе, то, что почти никому не понравится: я думаю, что нам все таки надо пересмотреть привязку критерия эффективности, по крайней мере, гуманитарной науки к упрощенным наукометрическим рейтингам, основанным на англоязычном цитировании. Они, по существу, привязывают наш критерий и выбор исследований и исследователей к чужим интересам. Нам нужно вернуть книгу-монографию как базовый элемент в гуманитарных науках, а не статью. Статья в гуманитарных науках — это не то же самое, что в медицине.

Наконец, мне кажется, нужно признать роль русского языка как базового для гуманитарных исследований в России с обязательным переводом на иностранные языки, а не наоборот. Это действительно очень серьезно для этого фундаментального понимания взаимодействия между культурами. Наши гуманитарные науки и востоковедение, извините, это все таки как бы наше, всегда были гордостью нашей на протяжении веков и служили императорской России, Советскому Союзу и новой России. Это наше интеллектуальное и политическое преимущество, конкурентное преимущество. Хотелось бы, чтобы оно сохранилось и не нивелировалось, не упрощалось, потому что есть прекрасные рецепты, но есть явная тенденция к упрощению, в частности в том, что про гуманитарные науки забывают и сегодня: даже когда обсуждали молодежные премии, тоже гуманитарии не попали» [5].

На наш взгляд, научная культура и создание новой картины мира станет главным условием победы конкурирующих

цивилизаций в битвах XXI в. за общее посткапиталистическое будущее. Сегодня заканчивается не только эпоха Просвещения с ее универсалистскими гуманистическими ценностями и западными гуманитарными технологиями, уже породившими проект архаичного фашизма. Вместе с эпохой Просвещения исчезают модерн, капитализм, сам библейский толпо-элитарный проект, который был средством управления массами людей в течение двух тысяч лет.

Нам в системе науки и высшего образования нужны принципиально новые науки о России, Западе и других социальных системах, а также переходная интегральная гуманитарная дисциплина, делающая универсальными эти науки. Именно они нуждаются в эпоху отечественного неоиндустриализма в инновационных технологиях и формах обучения. Остро стоит перед нами необходимость создать реальную социальную науку и использовать ее в качестве оружия в борьбе с чужими гуманитарными технологиями. Такое оружие политической элите России понадобилось в 2012-2013 гг., когда возникла необходимость обретения полноты суверенитета России и выборе пути развития страны. А.И. Фурсов пишет: «перед нами три различных кризиса: системный формационный; системный формационно-цивилизационный...и системный социобиосферный» [2, С. 222].

Наиболее перспективной для выхода из «смуткризиса» является евразийская цивилизация с неоиндустриальным вектором развития на исторической территории русского народа, она является эмбрионом глобального сверхобщества, формирующегося на планете Земля и в освоенном человечеством космическом пространстве.

Западная общественная наука с «сеткой» дисциплин отражает такой шизофренический тип общества (Ж. Делез), в котором обособлены экономическая, социальная и политическая сферы. Естественно возникает вопрос: как можно с помощью такой науки – слепка с классического буржуазного общества – с ее мультикультуральными дисциплинами, методами и понятиями изучать не буржуазные социумы? В таких обществах в XX в. развивались собственные науки, которые успешно обеспечивали динамику и конкурентоспособность

таких обществ. Так, в СССР сформировались оправдавшие себя в управлении культурно-идеологические конструкции: диалектический и исторический материализм, научный коммунизм и научный атеизм; в Третьем рейхе развивались учения Горбингера и продукция Анненербе, а в начале XXI в. в Северной Корее торжествует неконсьюмеристская идеология чучхе, в КНР — контркоррупционные технологии маоизма, в Венесуэле — идеи просвещенного боливаризма, в Чили вернулись к власти сторонники С. Альенде и идеи обновленного социализма. Все эти технологии носят мессианский народный характер и имеют глубокие научные корни.

Западная наука нашего времени как идеология модернизации отсталых обществ и технология формирования постиндустриального общества не пригодна для понимания жизни в живых социумах, в которых рынок интегрирован в традиционные структуры производства и обмена, а потому его развитие не требует выделения из них и превращения в капитализм. Между тем официальная наука не использует термин «капитализм», но, говоря о рыночной экономике для России, подразумевает капитализм западного типа. Однако Р.Е. Нисбет утверждает, что «мир западных людей не столь контролируем, как это предполагается. Эллен Лангер описывает «иллюзию контроля», которую она определяет как веру в то, что личный успех значительно больше, чем его объективное измерение».[4, р. 100] В этих условиях применение понятий и даже дисциплин, которые суть рациональные рефлексии по поводу буржуазного общества, к обществам не буржуазным лишь искажает реальность последних. В научном плане это ведет к ложным схемам, а с точки зрения практики приводит к катастрофическим последствиям.

Аналогичным образом в истории перестройки обстояло дело с наложением дисциплинарной и понятийной сеток западной науки на советское общество. В результате уже в 1970-х гг. мы в СССР получили ряд наук-мутантов: «политэкономия социализма», «социологию советского общества», «политологию советской элиты». Однако нас изучали не при помощи этих наук, но посредством практических технологий советологии, кремленологии, руморологии. Именно поэто-

му генералами-победителями в войне с СССР 1946-1992 гг. были объявлены женщины-социологи и советологи.

В середине 1980-х гг. западные политологи лукаво говорили о нескольких чертах, характеризующих «современное демократическое общество», и отмечали, что СССР для перехода в состояние «открытого общества» не хватает двух-трех характеристик. М.С. Горбачев попытался добавить их в наш социум: «права человека», «демократию», «рыночные реформы». Эти характеристики ограничили закон о кооперации, привели к разрушению системы управления предприятиями, к отмене монополии внешней торговли, уничтожению Госплана и Госснаба. Напротив, как показывает Т. Харфорд, Китаю удалось удержать промышленный сектор под контролем планировщиков из Госплана, что позволило плавно перейти от маоистской утопии к современному обществу, экономика которого стала первой в мире. [3, р. 243]

Список литературы

1. Зиновьев А.А. Фактор понимания. М.: Алгоритм, 2006.
2. Фурсов А.И. Вперед, к победе! Русский успех в ретроспективе и перспективе. М.: Изборский клуб, Книжный мир, 2014.
3. Harford T. The undercover economist. L: Abacus. 2006.
4. Nisbett R.E. The geography of thought. Why Asians and Westerners think differently and why. N.Y.: Free press. 2003.
5. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51190>